МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ СУЛЕЙМАНА

© Альфия Галиева, Альмира Аминова

TIME METAPHORS IN SULEYMAN'S POETIC UNIVERSE

Alfiya Galieva, Almira Aminova

This paper deals with time metaphors in the lyrical works of Tatar poet Suleyman. In the logic of the work, two main vectors can be outlined: firstly, the ways of time metaphorization, which are dominant in Suleyman's lyrical works, the analysis of their imagery and linguistic organization; secondly, the influence of mathematical thinking on the figurative system and formal features of his poetic language, for Suleyman is a professional mathematician and a famous poet. We distinguish two main directions in the development of his metaphorical images: time as an artifact and time as a receptacle.

In the case of representing time as an artifact, the subject of metaphor (time) is described in terms of concrete nouns, among which names of tools are the most significant, for example, *tirma* – 'a harrow, a rake'. In the case of time as a receptacle, time is represented as something, which can hold and keep human actions, emotional experiences, phenomena of the external world, etc. The objectification of time is implemented by means of its identification with referents of concrete nouns; Suleiman's semiotic game is supported by involving unexpected association series, which provide a wide range of interpretations for a reader.

Another important result of the study is an attempt to develop a methodology in order to analyze the influence of professional mathematical thinking on creativity exemplified by poetry.

Keywords: language of poetry, Tatar language, conceptualization of time in poetry, idiostyle, metaphor, mathematical thinking.

В статье анализируются метафоры времени в лирике татарского поэта Сулеймана. В логике построения работы можно выделить два основных вектора: во-первых, выделение и исследование способов метафоризации времени, доминантных для лирики поэта, анализ их образной составляющей и лингвистической организации; во-вторых, определение характера влияния математического мышления на образную систему и формальные признаки языка произведений поэта и математика Сулеймана. В качестве базовых выделяются два направления развития метафорических образов: время как артефакт и время как вместилище.

При метафоризации времени как артефакта субъект метафоры (время) описывается через конкретные существительные, среди которых наиболее значимы названия орудий труда, например, *тырма* – 'борона / грабли'. При метафоризации времени как вместилища время представляется как то, что способно вмещать или содержать в себе человеческие действия и поступки, эмоциональные переживания, явления окружающего мира. При этом происходит опредмечивание времени через его отождествление с референтами конкретных существительных разных классов; семиотическая игра Сулеймана поддерживается включением неожиданных ассоциативных рядов, что предоставляет широкий диапазон интерпретаций для читающего.

В качестве важного результата работы также следует отметить разработку методики анализа влияния профессионального математического мышления на творчество на примере поэзии.

Ключевые слова: язык поэзии, татарский язык, концептуализация времени в поэзии, идиостиль, метафора, математическое мышление.

1. Введение

Известно, что поэты при создании художественных образов используют богатые возможности языка: различные виды звукописи, переносных значений, пейзажные зарисовки и т. п. Использование, создание и переосмысление мета-

фор – важнейшая черта поэтического языка, как и языка в целом. Основная цель данной статьи – исследование метафорических образов времени в лирике татарского поэта Сулеймана (доктора технических наук, профессора Джавдета Сулейманова).

Отдельные стихотворения и культурные коды произведений Сулеймана были объектом специальных исследований (например, [Харисов], [Галиуллин], [Нагуманова], [Галиева], [Галимуллина] и др.), но богатая стилистика и образный строй произведений поэта требуют своего изучения во множестве аспектов, возможно, достаточно нетривиальных. По нашему мнению, образная система произведений Сулеймана и его идиостиль в значительной мере определяются профессиональной деятельностью поэта, которая лежит на пересечении математики и разработки систем искусственного интеллекта. Математический склад ума и жизненная философия поэта предопределяют систему глубинных текстопорождающих доминант и их поверхностное (в генеративистском смысле) выражение в творчестве, оказывают влияние на выстраивание смысловых иерархий и семиотических игр в текстах. Именно этим можно объяснить ряды неожиданных метафор, которые читатель находит в произведениях Сулеймана, и иногда такие метафоры могут озадачить неискушенного читателя и даже поставить его в тупик.

Поэтому в первой части статьи будут обозначены аспекты, связанные с математическим мышлением поэта; специальный раздел посвящен очень краткому очерку важнейших исследований по концептуализации времени в языке. Далее анализируется собственно метафоризация времени.

В качестве источника эмпирического материала для изучения был выбран поэтический сборник «Сүтелә йомгак» ('Разматывая клубок', 2011 г.), привлекались также материалы других сборников, например «Вақыт касәсе» ('Чаша времени', 2014 г.). Подстрочный перевод примеров выполнен авторами статьи (мы отказываемся от использования поэтических переводов, чтобы по возможности точно сохранить образность стихотворений, которая невольно искажается при поэтическом переводе).

Следует отметить, что изучение идиостилей татарских писателей и поэтов, анализ концептуальных и формальных лингвистических характеристик их произведений – важная задача, которая имеет как теоретическое, так и прикладное измерение. Так, в настоящее время стилометрия художественных текстов на татарском языке только формируется, хотя по стилистике жанров, отдельных произведений и идиостилей писателей и поэтов хлынул поток исследований. Отсутствуют пока также базы данных и программное обеспечение для автоматического определения авторства художественных текстов на татарском языке. Поэтому результаты изучения идиостилей отдельных деятелей татарской литературы будет

востребовано, в том числе и при разработке систем для определения авторства произведений.

2. Сулейман – поэт и математик

Математическое мышление, оперирующее предельно абстрактными понятиями, немислимо без воображения – безусловной составляющей искусства, поэтому многие выдающиеся математики были известны также своим литературным творчеством. Вероятно, самым именитым из поэтов-математиков является Омар Хайям, а из прозаиков – Чарльз Доджсон (Льюис Кэрролл); литературное творчество привлекало также Пьера Ферма, Софью Ковалевскую, Николая Лобачевского и многих других выдающихся математиков.

В математическом энциклопедическом словаре математика определяется как наука о количественных отношениях и формах действительного мира [Математический энциклопедический словарь, с. 7]. Группа французских математиков, объединённая под псевдонимом Николя Бурбаки, определила математику как учение об отношениях между объектами, о которых ничего не известно, кроме описывающих их некоторых свойств, аксиоматически положенных в основание теории. Математика была представлена как иерархия абстрактных форм – математических структур, идущих от простого к сложному, от общего к частному. При этом в качестве основополагающих выделяются: алгебраические структуры; структуры, определенные отношением порядка; топологические структуры (в них находят абстрактную математическую формулировку интуитивные понятия *окрестности*, *предела* и *непрерывности*, к которым нас приводит наше представление о пространстве) [Бурбаки].

Такое рабочее определение математики как фундаментальной науки о структурах, порядке и отношениях нам будет удобно использовать при анализе метафоризации времени в произведениях Сулеймана.

Мышление математика – абстрактное теоретическое мышление, оперирующее объектами, лишенными привычной вещественности, телесности (даже если это геометрические объекты); при этом эти объекты могут быть произвольным образом интерпретированы при условии сохранения заданных отношений между ними. Как образно отмечает Г. Вейль, математике «безразличен конкретный способ применения определенной комбинаторной схемы последовательных разбиений к тому континууму событий „здесь-теперь“, который мы называем „миром“, что привело к тому, что «математика снискала дурную славу из-за разреженного воздуха абстракций, в котором она живет» [Вейль].

Тем не менее математики вовсе не чуждаются искусства. Философ Э. В. Ильенков отмечает, что от крупных математиков нередко приходится слышать, что чувство красоты во многом управляет математической интуицией, «то есть вступает в действие там, где речь идет не о педантически строгом построении доказательства, а о догадке насчет общей идеи доказательства, не о деталях решения, а об общем его плане, о гипотезе, которую только еще предстоит доказать» [Ильенков]. Поэтому человек с развитым воображением, с живой фантазией оказывается и в математике гораздо более продуктивным, чем человек с формально вышколенным, но педантичным, машинообразным интеллектом; чтобы быть хорошим математиком, нужно обладать творческим воображением.

Воображение, как известно, это деятельность, объединяющая воспроизведение пережитых восприятий и впечатлений и конструирование путем расчленения, комбинирования составных частей и синтеза еще не пережитых впечатлений и образов. «Работа воображения состоит в постоянном индивидуальном уклонении от уже найденной и узаконенной формы, причем в таком уклонении, которое хотя и индивидуально, но не произвольно, – ведь недаром истинно творческая индивидуальная игра воображения рождает отклик у всех» [Там же].

Взгляд с высоты математических структур и отношений у Сулеймана формирует остроту эстетического видения поэта. В стихотворении «Шәжәрәдә яфрак булып» («Листом на генеалогическом древе») основные понятия – листа, ветки, корня – не только метафоры из мира растений, но и понятия из теории графов – раздела дискретной математики, где лист, в частности, понимается как концевой узел, терминальная вершина, куда ведёт только одно ребро, узел, не имеющий дочерних элементов. Приведем фрагмент из этого стихотворения:

... Юк, югалмас
Таза тамыр –
Улым үсә шәжәрәдә
Яфрак булып, –
яна буын [Сөләйман, 2011, с. 11]. –
‘Не пропадет
здоровый корень –
Мой сын растет
Листом на генеалогическом древе –
Новое поколение’.

Такая структурная заданность не только оживляет стершиеся общезыковые образы листа, корня и веток генеалогического древа (сами по себе эти метафоры совершенно тривиальны!),

но и связывает личные мотивы (например, пронзительные воспоминания об отце поэта), вселенский масштаб видения и образ демиурга, Создателя («*Dahu Osta*»); более того, в контексте стихотворения в Создателе можно увидеть платоновского Демиурга, а в генеалогическом древе (частный случай графа!) – отражение идеи древа из мира идей Платона.

Сулейман – мастер поэтической миниатюры, и лаконичность, отточенность формулировок многих его стихов тоже можно связать с математическим складом ума. Отсюда желание оформить мысль кратчайшим способом, безжалостно отбросить все, что отвлекает и тормозит движение мысли. Скупая стилистика математической аргументации, предельная скупость ее логических извивов накладывает свой отпечаток на мышление поэта. Трудно удержаться от соблазна привести здесь хотя бы одну лирическую миниатюру:

Чишмә тавын йөгереп үткән идем,
Хәзер шуңа
менәм тырышып....
Үтү белән менү арасында –
Фани тормышым [Сөләйман, 2011, с. 137]. –
‘Я легко взбегал на горку к роднику,
Сейчас туда
С трудом взбираюсь...
Вся брэнная жизнь между этими
Взбегать и карабкаться’.

Лапидарность в таких миниатюрах придает мысли поэта афористичность, позволяя читателю-реципиенту полностью сосредоточиться на движении мысли, не отвлекаясь на побочную орнаментовку.

Конструктивный характер математического мышления Сулеймана, его широкая эрудиция во многом определяют уникальность поэтического языка и воплощенного в произведениях эстетического чувства, все это вместе рождает образы, не перегруженные описанием (часто, скорее наоборот, – просящие расшифровки), но требующие от читателя интеллектуальной работы и творческого чтения, активного сотворчества.

3. Концептуализация времени в языке

В лингвистической литературе можно найти различные подходы к моделированию времени. Б. Л. Уорф говорил о том, что восприятие пространства основано на опыте и в целом сходно для картин мира разных языков, в то время как понятие времени не дается непосредственно из опыта и концептуализация времени в языках может существенно отличаться. Американский исследователь отмечал «объективацию времени» в языках средневропейского стандарта, когда

время моделируется по аналогии с внешним миром, что позволяет носителям этих языков представлять «десять дней» (то, что в принципе не образует совокупности) по аналогии с «десять человек» (то, что образует совокупность) [Уорф, с. 165–167].

Фактор времени, как указывает Н. Д. Арутюнова, играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени: именно человек находится в точке присутствия, которое членит линию времени на составляющие. Войдя в модель времени, человек вносит туда два противоположных компонента: точку и движение (вместе с направлением движения), а точка присутствия одновременно становится и точкой зрения [Арутюнова, с. 52–53]. Языковые модели времени Н. Д. Арутюнова подразделяет на два типа:

1. ориентированные на человека (течение жизни, линия судьбы) – модели Пути человека;
2. ориентированные на само время (движение природных веществ – воды или воздуха) – модели Потока времени [Там же].

Метафора в исследованиях последних десятилетий рассматривается в качестве одного из основных механизмов познания объектов действительности и порождения новых значений у языковых единиц. В поэзии метафора используется не только для создания художественных образов, но и выполняет смыслообразующую функцию. Исследователи подчеркивают значимость метафоризации как механизма для сопоставления и синтеза сущностей, соотносимых с различными логическими порядками, что обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира [Телия, с. 182]. Ключевые метафоры времени основываются на локальных и динамических значениях [Арутюнова, с. 53] и могут иметь самую разную структуру, а само понятие времени имеет разветвленные и многообразные связи с широким кругом других явлений и семантических полей, при этом в качестве первых – основных, В. Г. Гак называет такие переходы: движение – время, пространство – время [Гак, с. 124–125].

В татарском языке имеется значительное количество слов, обозначающих время, и для лирики Сулеймана наиболее характерны такие лексемы: *вакыт* – ‘время’ [Татарско-русский словарь, с. 74], *заман* – ‘время, эпоха, период’ [Там же, с. 101], *чор* – ‘период, этап, стадия, эпоха’ [Там же, с. 390], *дәвер* – ‘эпоха, период, век’ [Там же, с. 93], *мизгел* – ‘мгновение, момент’ [Там же, с. 221].

В данной статье основное внимание уделяется метафорическим образам, связанным со словом *вакыт*.

4. Метафорические образы времени у Сулеймана

4.1. Время как артефакт

Во многих стихотворениях можно найти осмысление времени в терминах артефактов, когда оно наделяется свойствами предметов, созданных рукой человека.

В ряде стихотворений время осмысливается как орудие, инструмент:

В а к ы т – т ы р м а ,
Мин – тегермән,
икебез ике чатта:
Вакыт тырмалый галәмне,
Мин борчак тарткан чакта.... [Сөләйман, 2011, с. 126] (здесь и далее разрядка наша – А. Г., А. А.). –
‘В р е м я – г р а б л и ,
Я – мельница.
Мы – на разных концах:
Время сгребает / боронит вселенную,
Пока я мелю горох’.

Татарское слово *тырма* может быть переведено на русский язык как ‘грабли’ и ‘борона’ [Татарско-русский словарь, с. 338]. В обоих случаях имеется в виду сельскохозяйственное орудие, используемое для разбивания комьев земли, очистки земли от сорных трав и выравнивания грунта; грабли часто используются также для сгребания скошенной травы. Метафора *время – грабли / борона* позволяет заключить, что в поэтической вселенной Сулеймана время мыслится как орудие, приводящее вселенную в порядок, пока человек занимается своими повседневными делами.

Метафора *время – грабли / борона* не случайный образ, возникший в силу капризов прихотливого поэтического мышления. Так, имеется акrostих «Вакыт – тырма», в котором осевые элементы – первые буквы каждой строки – составляют словосочетание *вакыт – тырма*, с этих же слов начинается собственно акrostих:

Вакыт – тырма,
тырма тешләрәндә салам, башак, камыл, тамыр...
Азмы вәгазь, үгет, гадәт: фани дөнья кызыклары –
рәт-рәт тешләр... [Сөләйман, 2011, с. 74]. –
‘Время – борона,
в зубьях ее – солома, колосья, жнивье, корни...
Мало ли проповедей, наставлений, обычаев –
столпов бренной жизни –
Рядами – зубья....’

Поскольку образный строй данного стихотворения очень сложный и требует подробного

анализа вне рамок данной статьи, здесь мы обращаем внимание на один важный момент: многие метафоры в текстах Сулеймана вводятся в форме метафорических псевдоопределений: в начале стихотворения вводится само «определение» в форме *это есть то*, затем дается развертывание образа. Подобное использование определений – типичная черта математического дискурса. Путем определений в математике вводятся новые понятия, при этом используются комбинации или уточнения элементарных либо ранее определённых понятий. Такое построение рассуждения – определение понятия перед его использованием – очень характерно для математиков, и многие стихотворения Сулеймана имеют структуру подобных псевдоопределений (см. примеры выше и ниже).

Следующая неожиданная метафора того же инструментального плана, обнаруженная в лирике Сулеймана: время как напильник:

В а к ы т – и г ә у ,
халык – таш,
Ил-йөзеккә асыл каш [Сөләйман, 2011, с. 307]. –
‘В р е м я – н а п и л ь н и к ,
Народ – камень,
Драгоценный камень для перстня-страны’.

Приведенные строки – это заголовок стихотворения из цикла «Ташгызмалар» (‘Каменные письмена’). Сама метафора многократно повторяется и усиливается далее в тексте стихотворения, например:

Вакыт – игәү, игәү тешләренә
Халыкмы ул, телме – барыбер [Сөләйман, 2011, с. 308]. –
‘Время – напильник, для зубов напильника
Все едино – народ ли, язык ли’.

Образ получает дальнейшее развитие также за счет повторения деривата *игәүләү* – ‘точить, обрабатывать напильником’:

Вакыт белә чарлау, игәүләвен [Сөләйман, 2011, с. 308]. –
‘Время знай себе точит напильником’.

Напильник – инструмент, которым обрабатывают объекты, придавая им форму, окончательный вид, стачивая все лишнее, ненужное. Интересно, что время в анализируемых стихотворениях мыслится как самостоятельный, самодвижущийся инструмент, самостоятельное начало (во всяком случае, в этих стихотворениях агентивное начало (субъект), использующее инструмент, остается за кадром). Такой образ времени – стихийное, формирующее начало-инструмент –

ядро рассуждений о судьбах татарского народа и языка.

Подобные инструментально-операционные образы времени также можно объяснить математическим мышлением: описанием явлений (переменных) в терминах процессов (операций). Важность этих метафор в поэтической вселенной Сулеймана становится очевидной из того, что такие метафоры не просто встречаются в отдельных строках, но часто вынесены в название, оформлены как опорные элементы акростиха или образуют первую строку стихотворения. Часто удачный метафорический образ, найденный в одном стихотворении, получает дальнейшее развертывание в других лирических произведениях.

В творчестве Сулеймана можно найти различные случаи переосмысления стандартных языковых метафор, например, время как река, поток:

Вакыт – елга,
мин – көймә...
Киресенчә түгелме:
мин – елга,
В а к ы т – к ө й м ә ?
Акмыймы соң мизгелләр
Зиһен тараткан көйгә? [Сөләйман, 2011, с. 268]. –
‘Время – река,
Я – лодка...
А не наоборот ли:
Я – река,
В р е м я – л о д к а ?
Не текут ли мгновения
Согласно мысли?’

Здесь мы видим семиотическое обыгрывание традиционной метафоры, ее переворачивание – своего рода обратную функцию или обратимую систему зависимостей, если искать аналоги в математике. Безусловно, данное стихотворение имеет сложное содержание, детальный анализ которого может быть продолжен вне рамок данной статьи. Отметим лишь, что поэт говорит о том, что сила мысли оказывает влияние на само течение времени и даже подчиняет его.

Итак, мы рассмотрели метафорические образы, построенные по типу *время – артефакт*. При этом субъект метафоры – время – видится через конкретные существительные, часто – названия орудий. Образы знакомых всем орудий труда и инвентаря (например, напильника или лодки) с их характерными признаками дают ключ к сущности понимания времени у Сулеймана, при этом семантическая двуплановость метафоры не устаревает загадки, а скорее ее усиливает.

4.2. Время как емкость, вместилище

Следующая очень важная группа метафор – осмысление времени как вместилища (в широком смысле). Сама по себе такая метафоризация не уникальна, например, в татарском языке время как вместилище представлено в таких оборотах, как (*шул, бу, кыска* и т. п.) *вакыт эчендә* – ‘в течение (этого, короткого и т. п.) времени’ (буквально: ‘внутри времени’), *вакыт кысаларында* – ‘в каресе / остова / рамках времени’.

Но в поэтическом универсуме Сулеймана мы находим совершенно нетривиальные метафоры, покажем это на примере переосмысления стандартной метафоры – нехватки времени, которая является уже стершейся и потерявшей всякую образность. Обратимся к стихотворению без названия «...Куркасы юк вакыт житмәс диеп...» (‘...Не надо бояться, что времени не хватит...’), где поэт от традиционной метафоры как ресурса («нехватка времени») переходит к метафорам времени как вместилища, в данном стихотворении мы находим целый ряд слов со значением вместилища: *киштә* – ‘полка’, *капчык* – ‘мешок’, *савыт* – ‘сосуд’, *казан* – ‘котел’. Время при этом понимается как резервуар, имеющий ограниченный объем, и рискует не вместить человеческие действия:

... В а к ы т
киштә булса,
вакыт – бүлем-бүлем.
Һәр бүлемдә – рәтләп гамәлләр.
Яңа туган гамәл
Үз вакытын били,
Шул киштәдә бүлем әмәлләп.
В а к ы т к а п ч ы к булса,
Бар эшләрең – бергә –
Сыйган кадәресе капчыкка.
Яңа туган гамәл
Урын ала өстән,
Калганнары калка
...жай чыкса [Сөләйман, 2011, с. 63]. –
‘Если время – полка,
время – дискретно/секции на полке.

В каждой секции – рядами деяния.
Новорожденное деяние
Занимает свое время,
Формируя секцию на полке.
Если время – мешок,
Все дела вместе –
Покуда вмещает мешок.
Новорожденное деяние
Размещается сверху –
Оставшиеся поднимутся
...если будет случай’

В этом же ряду находятся еще две интересные метафоры в данном стихотворении: *вакыт* – *кием* (‘время – одежда’) и *вакыт* – *табын* (‘вре-

мя – накрытый стол с едой и местами для размещения гостей’):

В а к ы т т а б ы н булса
Бер-бер артлы килеп,
Гамәлләрдән өем өелә [Сөләйман, 2011, с. 63]. –
‘Если время – накрытый стол,
Образуется куча из действий,
Приходящих друг за другом’.

Метафора *время – одежда* в тексте стихотворения дается очень развернуто, как надетое на деяние время:

Гамәл туа, димәк, вакыт житкән,
Яңа гамәл – яңа киемнән [Сөләйман, 2011, с. 63]. –
‘Рождается деяние, значит – время пришло,
Новое деяние – в новой одежде’.

Олы гамәл зур киемнән була,
Шуңа сый йөзләп гамәлләрәң,
Олы гамәл киеп килгән вакыт
Озынайта гомер мизгелләрен [Сөләйман, 2011, с. 63]. –
‘Большое деяние бывает в большой одежде,
Куда вмещаются сотни действий.
Время, надетое на большие деяния,
Продлевает мгновения жизни’.

Таким образом, в анализируемом стихотворении дан развернутый ряд метафорических образов времени как вместилища (по аналогии с контейнером, емкостью), которое может быть поделено на секции: время – то, что способно вмещать, содержать в себе человеческие действия и поступки, куда можно поместить деяния. При этом в стихотворении представлено перебирание ряда переменных – конкретных образов, их примеривание и оценка.

Еще одна метафора из данной серии – *время как чаша*, точнее, *как пиала* – чаша условно полусферической формы без ручек; пиалы традиционно используются в культурах тюркских народов:

Күк гөмбәзе –
Әйләнеп капланган вакыт касәсе [Сөләйман, 2011, с. 291]. –
‘Небесный свод –
Перевернутая чаша времени’.

Здесь традиционный образ небосвода представляется не просто как чаша, но как чаша времени. Данная метафора, будучи концептуально насыщенной, послужила в качестве названия для сборника стихотворений Сулеймана «Вакыт касәсе» («Чаша времени», 2014 г.) [Сөләйман, 2014].

Вообще, мотив времени как вместилища можно найти и в других произведениях Сулеймана, при этом в качестве субъекта метафоры служат самые разные лексемы из семантического поля времени:

Язлар сыйдырырлык берелэр,
Кояш сыенырлык күнеллэр [Сөлэйман, 2011, с. 250]. –
‘Весны, способные вместить почки,
Сердца, к которым может прильнуть сердце’.

Аналогично – как вместилище – осмысляют-ся и мгновения, например, в произведениях Сулеймана можно найти такие примеры: *сине сыйдырырлык мизгеллэр* – ‘мгновения, способные тебя вместить’, *бахеткә мәлдерәмә бер мизгел* – ‘мгновение, переполненное счастьем’ и др.

Таким образом, в примерах, приведенных выше, время представлено не как субстанция или ресурс, а скорее как вместилище, по аналогии с пространством в Ньютоновой механике. Вероятно, по мысли поэта, человеческое сознание помещает явления окружающего мира, действия людей в определенные временные рамки, как в сосуд, наполняя его людьми и их действиями. Такой сосуд может иметь самые разные формы, обозначенные явно или неявно, при этом вместилище может быть поделено на секции, то есть время может быть дискретно. Тогда мы можем говорить о своеобразной *топологии времени* в поэтической вселенной Сулеймана. Влияние математического мышления здесь можно также усмотреть в том, что время представляется как своего рода компьютерная ячейка памяти, куда можно помещать переменные, пока эта ячейка не переполнится. При этом формальная организация стихотворения напоминает алгебраическую структуру: «допустим, время есть x , то тогда...», когда переменная x может принимать самые разные значения (полка, мешок, одежда и т. п.), и поэтом оцениваются следствия каждого присвоения.

5. Заключение

В статье проанализированы особенности построения метафорических образов времени в лирике Сулеймана, при этом основное внимание уделено формированию образной составляющей при метафоризации лексемы *вакыт*. В татарском языке слово *вакыт* ‘время’ – самое абстрактное из слов, выражающих идею времени, именно этот концепт наиболее часто используется в лирике Сулеймана в качестве субъекта метафоры, наполняясь конкретным образным содержанием.

Проведенный анализ показывает, что авторский способ языкового сознания и выражения у Сулеймана находится под сильным влиянием его

профессиональной деятельности как математика и специалиста в области информатики (вероятно, математики могли бы сказать обратное: Сулейман-математик находится под сильным влиянием Сулеймана-поэта), и математическое мышление оказывает воздействие как на план содержания, так и план выражения в его стихах. Так, многие стихотворения начинаются как своего рода метафорические псевдоопределения, которые получают дальнейшее развитие в тексте. Здесь мы можем говорить о метаязыковом характере творчества Сулеймана, когда языковое и математическое мышление образуют имманентную систему зависимостей, обеспечивающую органичный переход от формы к содержанию и от содержания к форме.

В поэзии Сулеймана время опредмечивается и передается через вполне конкретные вещественные образы. В качестве базовых нами выделены два направления развития метафорических образов: время как артефакт и время как вместилище. При метафоризации времени через образы артефактов наиболее интересны инструментальные метафоры, которые описывают время в терминах орудий человеческой деятельности. При метафоризации времени как вместилища время представляется как своего рода резервуар определенного, ограниченного объема, способный вмещать или содержать в себе человеческие действия и поступки, эмоциональные переживания, явления окружающего мира.

Метафоризация времени в языке поэзии Сулеймана – сложный процесс, порождающий новые образы не просто перекомбинированием языковых единиц (переменных), но и сложным взаимодействием гетерогенных сущностей, участвующих в метафорическом синтезе. Метафоры времени являются отражением явной и неявной рефлексии Сулеймана над языком, часто они не тривиальны. Лирика Сулеймана покрывает одновременно наглядно-видимое и умопостигаемое, и возникающие образно-ассоциативные ряды требуют от читателя не только эмоционального отклика, но и работы интеллекта, желания и умения разгадать ту семиотическую игру, которую ведет автор.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.
Бурбаки Н. Архитектура математики // Очерки по истории математики. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 245–259.

Вейль Г. Математическое мышление. 1940. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000102/index.shtml> (дата обращения: 20.05.2020).

Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122–130.

Галиева А. М. Метафорические образы камня в творчестве поэта Сулеймана // Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере: коллективная монография. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2017. С. 330–337.

Галимуллина А. Ф. Культурные коды в поэзии Сулеймана (Дж. Ш. Сулейменова) и Геннадия Айги в контексте диалога культур // Национальная литература республики Поволжья: проблемы межкультурной коммуникации (Казань, 25–26 октября 2019). Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. С. 39–46.

Ильенков Э. В. О воображении // Народное образование. 1968. № 3. С. 33–42. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/imaginat.html> (дата обращения: 18.05.2020).

Математический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю. В. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. 487 с.

Нагуманова Э. Ф. Стихотворение Сулеймана «Әтием» в русских переводах // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. №4 (46). С. 232 – 236.

Татарско-русский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Татарское книжное изд-во, 2004. 488 с.

Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–203.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М., СПб.: АСТ, 2003. С. 157–201.

Харисов Р. М. О суггестивности лирики поэта Сулеймана // Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере: коллективная монография. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2017. С. 326–329.

Галиуллин Т. Н. Исемнәре Сөләйман... // Сөләйман. Сайланма әсәрләр. 1 том. Казан: Татар китап нәшрияты, 2015. 5–40 б.

Сөләйман Ж. Ш. Вакыт касәсе: Поэма һәм шигырьләр. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2014. 111 б.

Сөләйман Ж. Ш. Сүтелә йомгак: шигырьләр, поэмалар. Казан: Татар китап нәшрияты, 2011. 415 б.

References

Arutiunova, N. D. (1997). *Vremia: modeli i metafory* [Time: Models and Metaphors]. Logicheskii analiz iazyka: Iazyk i vremia. Pp. 51 – 61. Moscow, Indrik. (In Russian)

Bourbaki, N. (1963). *Arkhitectura matematiki* [The Architecture of Mathematics]. Ocherki po istorii matematiki. Pp. 245 – 259. Moscow, izdatel'stvo inostrannoi literatury. (In Russian)

Gak, V. G. (1997). *Prostranstvo vremeni* [The Space of Time]. Logicheskii analiz iazyka: Iazyk i vremia. Pp. 122 – 130. Moscow, Indrik. (In Russian)

Galieva, A. M. (2017). *Metaforicheskie obrazy kamnia v tvorchestve poeta Suleimana* [Stone Metaphors in Poet Suleyman's Oeuvre]. Kognitivno-semioticheskie aspekty modelirovaniia v humanitarnoi sfere. Pp. 330–337. Kazan, izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan. (In Russian)

Galimullina, A. F. (2019). *Kul'turnye kody v poezii Suleimana (Dzh. Sh. Suleimenova) i Gennadiia Aigi v kontekste dialoga kul'tur* [Codes of Culture in the Poetry of Suleyman (D. Sh. Suleymanov) and Gennady Aigi in the Context of the Dialogue among Cultures]. Natsional'naia literatura respublik Povolzh'ia: problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii (Kazan', 25–26 oktiabria 2019). Pp. 39–46. Kazan, izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

Galiullin, T. N. (2015). *Isemnäre Söläiman...* [His Name is Suleyman...]. Söläiman. Sailanma äsärklär V. 1, p. 5 – 40. Kazan, Tatar kitap nashriyatı. (In Tatar)

Ganiev, F. A. (ed.) (2004). *Tatarsko-russkii slovar'* [Tatar-Russian Dictionary]. 488 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Tatar, in Russian)

Ilenkov, E. V. (1968). *O voobrazhenii* [On Imagination]. Narodnoe obrazovanie. No. 3, pp. 33–42. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/imaginat.html> (accessed: 18.05.2020). (In Russian)

Kharisov, R. M. (2017). *O suggestivnosti liriki poeta Suleimana* [On the Suggestiveness of the Lyrical Works by Suleiman]. Kognitivno-semioticheskie aspekty modelirovaniia v humanitarnoi sfere. Pp. 326 – 329. Kazan, izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan. (In Russian)

Nagumanova, E. F. (2016). *Stikhotvorenie Suleimana "Ätiem" v russkikh perevodakh* ["Ätiem" Poem by Suleyman in Russian Translations. Filologiya i kul'tura. No. 4 (46), pp. 232–236. (In Russian)

Prokhorov, Iu. V. (ed.) (1995). *Matematicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Mathematical Encyclopedic Dictionary]. 487 p. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia. (In Russian)

Söläiman, D. Sh. (2011). *Sütelä iomgak: shigyr'lär, poemalar* [The Tangle Came Untied: Verses and Poems]. 415 p. Kazan, Tatar kitap nashriaty. (In Tatar)

Söläiman, D. Sh. (2014). *Wakit kasäse: Poema häm shigyr'lär* [The Chalice of Time: A Poem and Verses]. 111 p. Kazan, Mägarif-Wakit. (In Tatar)

Teliia, V. N. (1988). *Metaforizatsiia i ee rol' v sozdanii iazykovoi kartiny mira* [Metaphorization and Its Role in Creating the Language Picture of the World]. Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i kartina mira. Pp. 173–203. Moscow, Nauka. (In Russian)

Weyl, H. (1940). *Matematicheskoe myshlenie* [Mathematical Thinking]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000102/index.shtml> (accessed: 20.05.2020). (In Russian)

Whorf, B. L. (2003). *Otnoshenie norm povedeniia i myshleniia k iazyku* [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]. Iazyki kak obraz mira. Pp. 157 – 201. Moscow, St. Petersburg, AST. (In Russian)

The article was submitted on 21.05.2020
Поступила в редакцию 21.05.2020

Галиева Альфия Макаримовна,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт прикладной семиотики АН РТ,

420111, Россия, Казань,
Лево-Булачная, 36а.
amgalieva@gmail.com

Аминова Альмира Асхатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Almira.Aminova@kpfu.ru

Galieva Alfiya Makarimovna,
Ph.D. in Philosophy,
Senior Researcher,
Research Institute of Applied Semiotics of
Tatarstan Academy of Sciences,
36a Levo-Bulachnaya Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
amgalieva@gmail.com

Aminova Almira Askhatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Almira.Aminova@kpfu.ru